

В. А. Шкерин
ЯН ВИТКЕВИЧ И ОРЕНБУРГСКИЙ ВОЕННЫЙ ГУБЕРНАТОР
ВАСИЛИЙ ПЕРОВСКИЙ

В 9 часов утра 8 мая 1839 г. в Петербурге, в меблированных комнатах трактира «Париж» на Малой Морской улице, было обнаружено тело поручика Виткевича. Лежавший на полу с простреленным виском обер-офицер всего неделю назад прибыл в российскую столицу из Афганистана и Персии, где выполнял особые поручения Министерства иностранных дел. На столе была оставлена записка: «Не зная человека, которого участь моя занимала в каком-либо отношении, удовлетворительным нахожу объяснить, что лишаюсь жизни самопроизвольно. <...> Все бумаги, касающиеся моего последнего путешествия, сожжены мною, и потому всякое об них разыскание будет тщетно. <...> 8 мая 1839 года в 3 часа утра». В записке также содержались распоряжения, кого и как следует «удовлетворить» оставшимися деньгами: купца — за взятые в магазине «офицерские вещи»; портного — «за платье, заказанное у него, но еще не полученное»; трактирщика, если у того окажутся претензии к покойному постояльцу.¹

Весть о смерти поручика молнией облетела две империи — Российскую от Варшавы до Оренбурга и Британскую — от Лондона до Дели. В пограничном Оренбурге ее горестно воспринял военный губернатор генерал Василий Алексеевич Перовский, адъютантом которого Виткевич числился вплоть до рокового выстрела. С 1834 г. Перовский продвигал идею большого похода против Хивинского ханства. В марте 1839 г. соответствующее решение Комитета министров было скреплено державной резолюцией Николая I. И в этот самый момент амбициозный генерал лишился помощника, которого в свое время вытащил из ссылки и уберег от трибунала и который проник в глубины Азии дальше, чем кто-либо иной из его окружения.

В ранней молодости Виткевич мечтал не об укреплении российских позиций в Азии, а, напротив, об их ослаблении в Европе. Жизнь его

круто изменилась в 1823 г. Тогда подверглись разгрому тайные студенческие общества филоматов и филаретов в Виленском университете, а также организация «Черные братья» в Крожской гимназии Виленского учебного округа. Членом последней состоял и юный шляхтич Ян Виткевич. В следующем году более сотни филоматов и филаретов были приговорены к ссылке (как, например, Томаш Зан) или к ссылке в глубь России (как Адам Мицкевич).² Но даже на этом фоне приговор «черным братьям», старшему из которых, Алоизию Песляку, исполнилось 16 лет, а младшему, Виткевичу, не было и 14, казался чрезмерно суровым. Двух «братьев» осудили на смертную казнь, замененную бессрочным заточением в Бобруйской крепости, четырех отправили пешком в кандалах в батальоны Отдельного Оренбургского корпуса, где им предстояло стать рядовыми без права выслуги. Виткевичу выпало служить в 5-м линейном батальоне в Орской крепости. Его товарищей разослали по другим степным крепостям: Песляка — в Верхнеуральскую, Ивашкевича — в Троицкую, Сухотского — в Звериноголовскую.

В Орске Виткевич выучил персидский, узбекский и казахский языки, английским же и французским он владел с детства. Когда начали приходиться денежные переводы от родни, он стал собирать книги о странах Востока. По свидетельству Песляка, начальный замысел Виткевича заключался в организации побега в Индию. Алоизий, которому по незнанию языков отводилась роль глухонемого, отказался и, как ему казалось, «убедил Виткевича оставить это намерение, а с терпением дожидаться лучшей участи».³

И действительно помощь пришла с неожиданной стороны. В 1829 г. Оренбуржье посетил Александр Гумбольдт. В Орске немецкий естествоиспытатель познакомился с Песляком и Виткевичем. Особенно поразил его последний, тогда уже владевший богатой библиотекой (включавшей, в частности, 18-томное собрание сочинений Гумбольдта) и говорив-

¹ Халфин Н. А. Драма в номерах «Париж» // Вопр. истории. 1966. № 10. С. 216.

² Skuodis V. Vilniaus universiteto filomatai ir filaretai, jŕ likimas: Istorinĕ apybraiŕa. Vilnius, 2003.

³ Песляк А. Записки Песляка // Ист. вестн. 1883. Т. 13, № 9. С. 584.

ший на 19 языках. Со своей стороны Виткевич настолько проникся доверием к имени-тому путешественнику, что открыл ему план побега. Гумбольдт счел этот план «прискорбной авантюрой». Зато по его настойчивому ходатайству в 1830 г. Николай I произвел Песляка, Виткевича и Ивашкевича в унтер-офицеры. Оренбургский же военный губернатор граф П. П. Сухтелен, узнав о замечательных способностях Виткевича, в 1831 г. прикомандировал его переводчиком к Оренбургской пограничной комиссии, которая представляла собой разведывательный орган, собиравший сведения о казахских «ордах» и о государствах Средней Азии. Уже в августе 1831 г. Виткевич участвовал в состоявшихся в Оренбурге переговорах с афганским принцем Ша-заде, а полученные сведения изложил в рапорте на имя председателя комиссии Г. Ф. Генса. Однако в марте 1833 г. Сухтелен, не достигнув 55-летнего возраста, неожиданно скончался.⁴ Судьба Виткевича вновь повисла на волоске.

И вновь ему повезло. Преемником Сухтелена стал генерал-адъютант Василий Алексеевич Перовский. Новый начальник Оренбургского края был натурой энергичной, яркой, своевольной. Он многое себе позволял, и ему многое прощалось как человеку, пользовавшемуся безусловным доверием Николая I.⁵ За глаза его называли «тенью императора». Вместе с тем политическая биография Перовского была безупречна. В юности он состоял в тайных декабристских организациях «Военное общество» и «Союз благоденствия»,⁶ однако в решающий день 14 декабря 1825 г. принял сторону Николая I.⁷ Высочайше утвержденная следственная комиссия, наскоро рассмотрев дело Перовского,⁸ проигнорировала ряд компрометирующих обстоятельств.⁹ Находясь в качестве флигель-адъютанта во дворце, Перовский требовал уважительного отношения к арестованным офицерам.¹⁰ Будучи же привле-

чен к разбору следственных бумаг, допускал утечку не только сведений,¹¹ но, вероятно, и самих документов.¹²

Назначение В. А. Перовского оренбургским военным губернатором состоялось в апреле 1833 г., прибыл же он к новому месту службы летом. И уже вскоре предложил главе МИДа графу К. В. Нессельроде отправить к кушбеги (первому министру) Бухарского ханства Хаким-Бию своего личного посланца — якобы для обсуждения вопроса об обеспечении безопасности торговых караванов, в действительности же для сбора «верных и основательных сведений обо всем происходящем в областях Средней Азии». На эту роль Перовский выдвинул кандидатуру Виткевича, который «в течение десятилетнего пребывания своего в здешнем крае прилежно обучался татарскому и персидскому языкам, на первом говорит весьма свободно, а на втором объясняется без нужды, одарен отличными умственными способностями, был послан неоднократно в киргизскую степь по поручениям, которые всегда исполнял удачно и благоразумно, сделал навывк к трудным в степи путешествиям и по молодости, здоровью, сметливости и знакомству с ордынцами имеет все свойства к тому, чтобы совершить путешествие в Бухарию и обратно с желаемым успехом...»¹³ Монарший ответ был передан Перовскому через военного министра А. И. Чернышева: «Его Величество хотя и изволил признать прежние поступки его (Виткевича), за которые он назначен на службу в Оренбургский Отдельный корпус, следствием его тогдашней молодости, но, находя неудобным верить столь важное поручение подобному лицу, высочайше предоставляет Вам, милостивый государь, избрать для отправки в Бухарию другого опытнейшего и благонадежного чиновника».¹⁴ В результате в Бухару под именем мирзы Джафара был командирован преподаватель арабского и персидского языков Оренбургского Неплюевского военного училища, уроженец Сардинского королевства Петер Демезон (Де-Мезон).

⁴ См.: Губернаторы Оренбургского края / Авторы-сост. В. Г. Семенов, В. П. Семенова. Оренбург, 1999. С. 200.

⁵ См.: Корф М. А. Записки. М., 2003. С. 111.

⁶ См.: Декабристы: Биограф. справ. М., 1988. С. 140.

⁷ См.: Записки очевидцев 14 декабря 1825 года. Из архива М. А. Корфа / вступ. ст., публ. и коммент. Т. Б. Андреевой и Т. Н. Жуковской // 14 декабря 1825 года: источники, исследования, историография, библиография. Вып. 3. СПб.; Кишинев, 2000. С. 30, 31.

⁸ См.: Восстание декабристов: документы. Т. 20. М., 2001. С. 453, 454.

⁹ См.: Ильин П. В. Новое о декабристах. СПб., 2004. С. 75.

¹⁰ См.: Греч Н. И. Записки о моей жизни. М., 2002. С. 328; Розен А. Е. Записки декабриста. СПб., 2008. С. 80.

¹¹ См.: Смирнова-Россет А. О. Записки. М., 2003. С. 430, 431.

¹² См.: Материалы следствия о членах тайных обществ в фондах Государственного архива Одесской области / вступ. ст., подгот. текста и примеч. О. И. Киянской // 14 декабря 1825 года: источники, исследования, историография, библиография. Вып. 8. СПб., 2010. С. 55–57.

¹³ Огородников Н. М. Оренбург пограничный: Организация разведки в Оренбургском генерал-губернаторстве. Оренбург, 1995. С. 47.

¹⁴ Там же. С. 49.

Письмо А. И. Чернышева было отправлено из Петербурга 11 октября 1833 г. А уже 27 октября содержащийся в оренбургском тюремном замке уфимский мещанин Андрей Стариков сообщил коменданту города генерал-майору Р. Г. Глазенапу, что здешние поляки, «будучи огорчены несчастным последствием польской революции», задумали мятеж. Планировались убийства военного губернатора, коменданта, еще ряда военных и полицейских чинов, захват Оренбурга с последующим распространением мятежа по всей Оренбургской линии. Дабы привлечь на свою сторону солдат и население, заговорщики собирались использовать популярную «константиновскую легенду»: якобы цесаревич Константин Павлович жив, недоволен узурпацией трона младшим братом Николаем и уже выступил в поход во главе французских войск и в союзе с прусским королем. Информантом самого Старикова стал рядовой 5-го Оренбургского линейного батальона Людвиг Мейер (Меер), плененный в 1831 г. в бою под Варшавой, а в то время заключенный в замок за попытку побега в казахскую степь. Мейер подтвердил, что в заговор вовлечены не только поляки, но и порядка 30 русских солдат и казахов. Руководителями заговора были названы неизвестный француз и трое поляков — служившие в Оренбургской пограничной комиссии Томаш Зан и Ян Виткевич, а также еще один «черный брат», унтер-офицер 2-го линейного батальона Виктор Ивашкевич.¹⁵

В 1832–1834 гг. подобные сигналы власть получала не единожды. В 1831 г. восставшая польская армия была расформирована, порядка 35 тыс. военнослужащих попали в различные подразделения армии русской. В 1832 г. из Киевской губернии в глубь империи был переведен 6-й пехотный корпус, сформированный из уроженцев западных губерний, «готовых к участию в судьбе Польши». В 1833 г. в Омске были арестованы полковник Маркевич и 26 нижних чинов-поляков, служивших в сибирских линейных батальонах и в казачьем войске. В вину им вменялось намерение учинить бунт в ночь с 24 на 25 июля и бежать в киргизские степи. В 1834 г. арестам подверглись прапорщик инженерной команды князь Урусов и дворянин Янишевский, заподозренные «в намерении произвести возмущение в Астрахани поляков из нижних чинов Кавказского линей-

ного батальона № 9». По приговору военного суда 17 солдат указанного батальона и еще 25 из других подразделений были сосланы в инвалидные команды на соляные озера. В том же году Тобольск был взбудоражен слухом, что поляки планируют «в самую заутреню на первый день пасхи поднять знамя бунта и будто бы склонили на то 1-й линейный батальон».¹⁶

Получив известие о заговоре, В. А. Перовский немедленно распорядился об аресте десяти подозреваемых и о создании специальной следственной комиссии. И уже 28 октября рядовой 4-го линейного батальона Б. Кживицкий (Кшвевицкий) сообщил, что в 1832 г. Виткевич намекал ему на решение бежать в Хиву. Косвенные подтверждения нашлись в переписке Виткевича с Заном. Однако на этом компрометирующие улики иссякли. На очных ставках поляки дружно отрицали преступный умысел. Не усердствовали и следователи: показания арестованных принимались на веру, личность руководителя-француза не выяснялась. Менее чем через месяц, 26 ноября, появилась резолюция: «По исследованию комиссии, не открылось никаких обстоятельств, относящихся к обвинению, почему всех, содержащихся по сему делу, кроме доносителя рядового Б. Кживицкого, из-под караула освободить и употребить по-прежнему в службу».¹⁷ Остался в крепости и Мейер, обвинение которого пополнилось пунктом о ложном доносе.

Разумеется, резолюция отражала волю Перовского. Отличная характеристика, данная Виткевичу буквально накануне открытия заговора, ставила под сомнение не только способность военного губернатора подбирать помощников, но и соответствие его высокой должности. Оправдаться Перовский мог только через оправдание Виткевича, а заодно и его подельников. Соответствующее указание было дано чиновнику особых поручений В. И. Далу. Будущий автор «Толкового словаря живого великорусского языка» прибыл в Оренбург вместе с военным губернатором. Приняв Дала на службу, Перовский оградил его от неприятностей с жандармским ведомством после публикации «Русских сказок» (за что сочинитель уже подвергся аресту в 1832 г.).¹⁸ Теперь благодарный Даль, знавший польский язык, должен

¹⁵ Сафонов Д. А. Оренбургский заговор 1833 г. // Оренбуржье и Польша: проблемы истории и культуры. Оренбург, 1996. С. 18, 19.

¹⁶ Вержбицкий В. Г. Революционное движение в русской армии (с 1826 по 1859 гг.). М., 1964. С. 150–154.

¹⁷ Бессараб М. Я. Владимир Даль. М., 1972. С. 92.

¹⁸ См.: Мельников П. Воспоминания о Владимире Ивановиче Дале // Рус. вестн. Т. 104. М., 1873. С. 297–299, 301.

был отредактировать материалы следственной комиссии для прочтения их в столице. Существование оренбургского заговора 1833 г. вряд ли когда-нибудь будет определенно доказано¹⁹ или опровергнуто,²⁰ но можно констатировать, что и мотив, и возможности для его сокрытия у Перовского имелись.

По поводу оставления в крепости Б. Кживицкого и отягощения участи Мейера заметим, что Перовский вообще не любил доносчиков. Характерный в этом отношении анекдот записал И. С. Тургенев. Рядовой Т. Г. Шевченко (которому Николай I запретил писать и рисовать) продолжил свои занятия и в оренбургской ссылке. Некий «чересчур исполнительный генерал» пытался доложить об этом Перовскому. «Генерал, я на это ухо глух: потрудитесь повторить мне с другой стороны, что вы сказали!» — строго отвечал Перовский, и понятливый подчиненный тотчас сменил тему.²¹ Существуют и реальные истории подобного рода. Так, в декабре 1850 г. командир 5-го Оренбургского линейного батальона Д. В. Мешков доложил Перовскому о «непозволительных сношениях» рядовых А. Ханькова (петрашевца), И. Завадского, В. Докальского, Ф. Грудзинского, Э. Пожерского (все четверо — ссылки поляки) с молодыми прапорщиками П. Ф. Гурьевым и П. А. Невельским. (Вероятно, к этому же кружку примыкал и Т. Шевченко до своего отъезда из Орска в сентябре 1850 г.) В итоге Мешков получил строжайший выговор и вскоре был переведен младшим штаб-офицером в 10-й Оренбургский батальон. Ротный командир Ханькова, поручик Симаков, подвергся двухнедельному аресту и штрафу с внесением сведе-

ний об этом в формулярный список. Самых же участников кружка разослали по разным воинским подразделениям — и только. При этом поляки-солдаты получили возможность выслужиться до унтер-офицерских и офицерских чинов, выйти в отставку и вернуться на родину, а Эдуард Пожерский даже принял участие в восстании 1863 г. под знаменами еще одного бывшего оренбургского ссылного — Зыгмунда Сераковского.²²

Возвращаясь к нашему герою, отметим, что дальнейшая его служба при Перовском проходила вполне успешно. Генерал ценил и привечал талантливых подчиненных. Алоизий Песляк писал об отношении Перовского к Виткевичу: «Он скоро заметил Виткевича и через год произвел его в первый офицерский чин, еще через год в поручики и назначил старшим своим адъютантом».²³ Подобным же образом отзывался об этих отношениях и генерал И. Ф. Бларамберг: «...Василий Перовский, после того как узнал Виткевича поближе, произвел его в офицеры, сделал своим адъютантом и посылал несколько раз в киргизские степи и даже два раза в Бухару».²⁴ Виткевич же, очевидно, оставил идею о побеге через азиатскую границу и не воспользовался возможностями, которые вскоре у него появились.

Осенью 1835 г. Г. Ф. Генс предложил В. А. Перовскому командировать Виткевича для сбора информации в Хиву и Бухару. Официально Перовский согласился на такой «вож» не давал, и инструкция, полученная его адъютантом 29 октября, нацеливала его лишь на «поддержание спокойствия» среди кочевавших близ Сырдарьи казахских родов. Однако, углубившись в степь, Виткевич сразу взял курс на Бухару.²⁵ Примечательно, что в дальнейшем он не понес наказания заслушание, хотя в оправдание свое привел лишь туманную фразу:

¹⁹ Историк Г. С. Сапаргалиев и В. А. Дьяков писали, что «некоторые детали, обойденные следствием, внимательный анализ остальных источников не оставляют сомнений в том, что в возникшем следственном деле Я. Виткевич не был жертвой клеветы и интриг» (Сапаргалиев Г. С., Дьяков В. А. Общественно-политическая деятельность ссылных поляков в дореволюционном Казахстане. Алма-Ата, 1971. С. 43).

²⁰ Авторы начала XX в. считали дело об оренбургском заговоре 1833 г. результатом пустой клеветы Старикова и Мейера (см., напр.: Потто В. А. Ссылные поляки в Оренбуржье // Ист. вестн. 1889. № 12. С. 584–606; Шуклинцев И. С. Дело о поляках в Оренбурге в 1833 г. // Русский архив. 1902. № 8. С. 661–666), а советские беллетристы Юлиан Семенов (повесть «Дипломатический агент») и Михаил Гус (повесть «Дуэль в Кабуле») выдвигали не подкрепленную источниками версию об инспирировании дела британской разведкой, якобы действовавшей через евангелическую миссию в Оренбурге.

²¹ См.: Т. Г. Шевченко в воспоминаниях современников. М., 1962. С. 293; Оренбургский губернатор Василий Алексеевич Перовский: Документы. Письма. Воспоминания / сост. Е. Г. Вертоусова, Г. П. Матвиевская, А. Г. Прокофьева. Оренбург, 1999. С. 307.

²² См.: Большаков Л. Н. Оренбургская Шевченковская энциклопедия. 1847–1858. Оренбург, 1997. С. 102, 104, 114, 133, 228–230, 244–245, 279–280, 350, 351; Дьяков В. А. Тарас Шевченко и его польские друзья. М., 1964. С. 47; Он же. Польско-русско-украинский кружок политических ссылных в Орской крепости в 1847–1850 гг. // Славянская историография и археография. М., 1969. С. 231–253.

²³ Песляк А. Указ. соч. С. 584.

²⁴ Бларамберг И. Ф. Воспоминания. М., 1978. С. 86; Оренбургский губернатор... С. 145.

²⁵ По свидетельству И. Ф. Бларамберга, это была уже вторая поездка Я. Виткевича в Бухару, причем отправился он в нее «по поручению генерал-губернатора Перовского». Первую же поездку (даты которой Бларамберг не называет) Виткевич совершил «зимой, в киргизской одежде, сопровождаемый двумя преданными киргизами» (Бларамберг И. Ф. Указ. соч. С. 86).

«обстоятельства принудили».²⁶ В Бухаре Виткевич провел переговоры с кушбеги по поводу торговли и выдачи русских пленных. Здесь же он повстречал прибывшего из Кабула Хуссейна Али (Гуссейна-Али, Мирзу-Али), с которым был знаком с 1831 г., когда тот состоял в свите принца Ша-заде. Теперь Хуссейн Али направлялся в Россию как посол кабульского эмира Дост-Мохаммад-хана.

Глава племени баракзаев Дост-Мохаммад был самым могущественным, но не единственным афганским правителем. Эмиры и ханы Кабула, Пешавара, Кандагара, Герата, Кундуза и Балха враждовали между собой и искали союзников для победы над соседями. Еще в 1831 г. посетивший Кабул по пути из Индии в Бухару британский дипломат и разведчик Александр Бёрнс (Alexander Burnes) рекомендовал своему правительству заключить союз с Дост-Мохаммадом. Однако Лондон предпочел поставить на эмира Шуджу уль-Мулька — представителя свергнутой династии Дуррани, проживавшего на британский счет в Пенджабе. В 1834 г. Шуджа во главе сформированного на английские же деньги войска напал на Кандагар, где правил родной брат и давний соперник Дост-Мохаммада — Кохендиль-хан. Понимая, что в случае победы Шуджи следующей его целью станет Кабул, Дост-Мохаммад пришел на помощь брату. Британский ставленник был разбит и изгнан в Пенджаб, зато союзные с ним сикхи тем временем отобрали у Дост-Мохаммада Пешавар.

В апреле 1836 г. Виткевич и Хуссейн Али прибыли в Оренбург. Перовский сразу оценил выгоды сложившейся ситуации для усиления российского влияния в Афганистане. Заодно генерал решил укрепить позиции и самого Виткевича. В начале мая Перовский писал в МИД: «В случае отправления Гуссейна-Али в столицу я полагал бы придать ему... прапорщика Виткевича... Виткевич приехал сюда, будучи почти ребенком... по тринадцатилетнем пребывании своем в здешнем крае вполне искупил вину свою примерным усердием, с коим исполняет все налагаемые на него поручения. Он прикомандирован уже несколько лет к Пограничной

комиссии, знает хорошо татарский и персидский языки, может в столице надежно служить переводчиком при расспросах кабульского посланца и сверх этого может дать Азиатскому департаменту подробный отчет касательно всех отношений здешних со степью и с соседними областями Средней Азии».²⁷

Так все и произошло. В мае 1837 г., после проведенных в Петербурге переговоров, уже не прапорщик, а поручик Виткевич был командирован — опять же по рекомендации Перовского²⁸ — через Кавказ и Персию в Афганистан. В пути Хуссейн Али скончался. Виткевич также пропал из поля зрения британской разведки и был обнаружен ею только под стенами Герата, осажденного правителем Персии Мохаммад-Шахом Каджаром. При персидской армии находились русские советники, обороной же Герата руководил британский лейтенант. Затем Виткевич добрался до Кандагара, где встретился с Кохендилом, проникшимся к русскому посланнику таким доверием, что отправил с ним персидскому хану и кабульскому эмиру предложения о военном союзе. В декабре Виткевич прибыл в Кабул, где был приглашен на рождественский ужин уже обосновавшимся там Бёрнсом. Разведчики отнеслись друг к другу с интересом и даже с симпатией, что, конечно, не помешало Бёрнсу настроить Дост-Мохаммада против Виткевича. И вновь, как часто случалось в судьбе Яна Виткевича, ему повезло. В январе 1838 г. вице-король Индии лорд Окленд (George Eden, Lord Auckland) обратился к Дост-Мохаммаду с высокомерным посланием, советуя эмиру выслать Виткевича и впредь не принимать иностранных посланцев, а также помириться с сикхами и забыть о Пешаваре. Рассерженный Дост-Мохаммад, наоборот, окружил русского поручика всевозможным почетом, а Бёрнсу предложил вернуться в Индию.

В мае 1838 г. В. А. Перовский, обеспокоенный долгим отсутствием адъютанта, просил К. В. Нессельроде уведомить его «о времени, к которому можно ожидать возвращения Виткевича». Полученный ответ гласил, что «господин поручик Виткевич благополучно совершает свое путешествие», что последнюю депешу от него получили из Кандагара, а «что же касается времени его возвращения, то, как по образу его путешествия, так и по свойству возложенного на него поручения даже приблизительно

²⁶ Халфин Н. А. Россия и ханства Средней Азии (Первая половина XIX века). М., 1974. С. 244, 245. Не исключено, впрочем, что даже эта фраза принадлежит перу не Я. Виткевича, а В. И. Даля, поскольку именно последний, и, разумеется, по указанию В. А. Перовского, писал «Записку, составленную по рассказам Оренбургского линейного № 10 батальона прапорщика Виткевича относительно пути его в Бухару и обратно» (Сапаргалиев Г. С., Дьяков В. А. Указ. соч. С. 47).

²⁷ Огородников Н. М. Указ. соч. С. 69.

²⁸ См.: Сапаргалиев Г. С., Дьяков В. А. Указ. соч. С. 51.

определить невозможно».²⁹ Вероятно, военный губернатор все еще волновался: не сбежал ли адъютант в такую близкую теперь от него Индию (тем более, что подобный сценарий обернулся бы большой дипломатической победой Бёрнса). Между тем Виткевич вновь появился в персидском лагере у Герата. Основываясь на привезенных им бумагах, посланник в Персии граф И. О. Симонич подготовил под гарантии России мирный договор между кандагарским эмиром и персидским шахом. Британцы отреагировали на это самым жестким образом: в августе осада Герата была объявлена враждебным Британии актом, персидскому шаху направили ультиматум, русскому царю — ноту протеста, а из Бомбея в Персидский залив вышла флотилия с десантом. Перед лицом такой угрозы персы в сентябре сняли осаду Герата, а Николай I объявил действия Симонича и Виткевича самоуправством. И уже 1 октября лорд Окленд официально заявил, что в связи с невозможностью мира между сикхами и Дост-Мохаммадом кабульский трон должен достаться Шудже уль-Мульку, который вернется в Афганистан при поддержке британской армии. 15 ноября Иван Осипович Симонич покинул Тегеран. В тот же день армия шаха Шуджи выступила в поход из Пенджаба.

В феврале 1839 г., когда Первая англо-афганская война вступила в активную фазу, новый российский посол в Тегеране полковник А. О. Дюгамель отозвал поручика Виткевича из Кандагара. Из Тегерана в Россию поручик выехал 15 марта и, проведя в пути полтора месяца, 1 мая вернулся в Петербург. Здесь он остановился в том самом трактире на Малой Морской, в котором останавливался и два года

назад вместе с Хуссейном Али. А уже 8 мая Виткевич был обнаружен мертвым. По стечению обстоятельств в этот же день на пустынных улицах Кандагара прошел военный парад в честь коронации шаха Шуджи уль-Мулька.

Вице-директор Азиатского департамента Л. Г. Сенявин известил В. А. Перовского о скорбном и странном происшествии в трактире «Париж»: «В Петербурге Виткевич пробыл... только 8 дней; он был очень хорошо принят министерством, и в самый день его смерти приготовлен был доклад о переводе его в гвардию и о награждении сверх того орденом и деньгами. При свидании с ним я ему сказывал, какое благосклонное участие Вы принимали в нем, как Вы беспокоились, услышав, что он будто бы заехал в Хиву и был там убит, как пред отъездом Вы мне особенно рекомендовали устроить приличное ему вознаграждение за трудную его экспедицию. Притом я присовокупил, что он может надеяться на получение награды. Казалось, он был очень доволен и весел еще за день до его смерти... Накануне его самоубийства, говорят также, видели его в середине дня, и он тоже был весел; вечер же он просидел у Симонича и, возвратясь оттуда, заперся в своей комнате по обыкновению, велел себя разбудить на другой день в 9 часов, а сам между тем застрелился».³⁰

Так, смертью одного из героев оборвались отношения Яна Виткевича и Василия Перовского. Вопрос о том, было ли это самоубийство или же «чисто английское убийство» или во всем виноват поздний визит некоего «пана Тышкевича», обвинившего прежнего друга в предательстве юношеских идеалов, вероятно, уже навсегда останется без ответа.

Ключевые слова: *Я. Виткевич, В. А. Перовский, Оренбургская губерния, ссыльные поляки, разведка, дипломатия, российско-британское соперничество, Афганистан*

Vladimir A. Shkerin

Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology,
Ural branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: shkerin_uit@mail.ru

YAN VITKEVICH AND THE MILITARY GOVERNOR VASILY PEROVSKY

The article tells a story of the life and death of the first Russian ambassador in Kabul Yan Vitkevich (1808–1839) and the role played in his confused biography by the Orenburg military governor Vasily Perovsky (1795–1856). In their youth both these persons were members of the opposition, however in their mature years they both served faithfully to the benefit of the Russian Empire. However while the civil ser-

²⁹ Там же. С. 72.

³⁰ Халфин Н. А. Драма... С. 219.

vice brought to Perovsky honors, high ranking positions and personal favors from the Emperor Nikolas I, for Vitkevich it ended with a mysterious suicide.

Key words: *Ya. Vitkevich, V. A. Perovskiy, Orenburg province, Polish exiles, intelligence, diplomacy, the Russian-British rivalry, Afghanistan*

REFERENCES FOR CITATION DATABASE

- 14 dekabrya 1825 goda. Istochniki, issledovaniya, istoriografiya, bibliografiya** (December 14, 1825. Sources of research, historiography, bibliography). St. Petersburg, Kishinev: Nestor, 2000, Issue 3, 340 p. (in Russ.).
- 14 dekabrya 1825 goda. Istochniki, issledovaniya, istoriografiya, bibliografiya** (December 14, 1825. Sources of research, historiography, bibliography). St. Petersburg, 2010, Issue 8, 584 p. (in Russ.).
- Bessarab M. Ya.** Moscow: Sovremennik, 1972, 288 p. (in Russ.).
- Blaramberg I. F.** Moscow: Nauka, Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury, 1978, 360 p. (in Russ.).
- Bolshakov L. N.** Orenburg: Dimur, 1997, 516 p. (in Russ.).
- Dekabristy: Biograficheskiy spravochnik** (The Decembrists: Biographical directory). Moscow: Nauka, 1988, 448 p. (in Russ.).
- Dyakov V. A.** Moscow: Nauka, 1964, 152 p. (in Russ.).
- Dyakov V. A. Slavyanskaya istoriografiya i arkhografiya: sb. nauch. tr.** (Slavic historiography and archaeography: collected papers). Moscow: Nauka, 1969, pp. 231–253. (in Russ.).
- Grech N. I.** Moscow: Zakharov, 2002, 464 p. (in Russ.).
- Gubernatory Orenburgskogo kraya** (The governors of the Orenburg region). Orenburg: kn. izd-vo, 1999, 400 p. (in Russ.).
- Ilin P. V.** St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2004, 664 p. (in Russ.).
- Khalfin N. A.** Moscow: Nauka, 1974, 408 p. (in Russ.).
- Khalfin N. A. Voprosy istorii** (Questions of History), Moscow, 1966, № 10, pp. 216–220. (in Russ.).
- Korf M. A.** Moscow: Zakharov, 2003, 720 p. (in Russ.).
- Melnikov P. Russkiy vestnik** (Russian Journal), Moscow, 1873, Vol. 104, pp. 277–340. (in Russ.).
- Ogorodnikov N. M.** Orenburg: Dimur, 1995, 194 p. (in Russ.).
- Orenburgskiy gubernator Vasiliy Alekseevich Perovskiy: Dokumenty. Pisma. Vospominaniya** (Orenburg Governor Vasily Perovski: Documents. Letters. Memoirs). Orenburg: Orenburg. kn. izd-vo, 1999, 336 p. (in Russ.).
- Peslyak A. Istoricheskiy vestnik** (Historical Journal). St. Petersburg, 1883, № 9, Vol. 13, pp. 576–594. (in Russ.).
- Potto V. A. Istoricheskiy vestnik** (Historical Journal). St. Petersburg, 1889, № 12, pp. 584–606. (in Russ.).
- Rozen A. Ye.** St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2008, 657 p. (in Russ.).
- Safonov D. A. Orenburzhe i Polsha: problemy istorii i kultury: sb. nauch. tr.** (Orenburg and Poland: problems of history and culture: collected papers). Orenburg: Dimur, 1996, pp. 18–21. (in Russ.).
- Sapargaliev G. S., Dyakov V. A.** Alma-Ata: Nauka, 1971, 251 p. (in Russ.).
- Shuklintsev I. S. Russkiy arkhiv** (Russian archive). Moscow, 1902, № 8, pp. 661–666. (in Russ.).
- Skuodis V.** Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2003, 146 p. (in Lithuanian).
- Smirnova-Rosset A. O.** Moscow: Zakharov, 2003, 528 p. (in Russ.).
- T. G. Shevchenko v vospominaniyakh sovremennikov** (T. G. Shevchenko in the memoirs of contemporaries). Moscow: Gos. izd-vo khudozh. lit., 1962, 512 p.
- Verzhbitskiy V. G.** Moscow: Sov. Rossiya, 1964, 324 p.
- Vosstanie dekabristov: dokumenty** (Decembrist revolt: documents). Moscow: ROSSPEN, 2001, Vol. 20, 592 p.